

Политические противоречия
внутри галло-римской элиты V в. н. э.
в свете позднеантичных источников

В данной статье рассматривается ситуация, связанная с колебаниями политических настроений галло-римской аристократии V в. н. э. в условиях кризиса государственности Западной Римской империи. Анализ основного источника (Книга I, письмо 7 Сидония Аполлинария) демонстрирует, что в условиях полномасштабного кризиса V в. н. э. ослабление центральной власти приводит не только к усилению региональной галло-римской элиты, но и к очевидному поиску новых политических ориентиров. На основании анализа выдвинутого против Арванда обвинения автором выдвигается гипотеза о наличии противоречий внутри галло-римской элиты, обусловленных как традиционным тяготением к власти императора, так и появлением первых варварских королевств.

Ключевые слова: Западная Римская империя, Римская Галлия, галло-римская элита, вестготы, бургунды, Арванд.

V век н. э. заслуженно обозначается как «переломная эпоха», «век трансформаций» и пр. Именно в течение данного столетия в истории произошли настолько колоссальные изменения, что их результатом стали полноценное обновление всех сфер человеческой деятельности и грандиозная смена мировосприятия и историко-культурной парадигмы с «угасшей» античной на новую средневековую.

На протяжении пяти веков Римская империя, одна из могущественнейших империй в истории человечества, оставалась зримым символом торжества античной культуры. За время своего существования ей удалось объединить все региональные культуры Средиземного моря, вобрать в себя лучшее и подняться на еще более высокий уровень¹. Однако уже начиная с III в. н. э. она испытывает

серьезные кризисные явления, усиливающиеся год от года; в частности проблемы в области внутренней политики и государственного управления. Чехарда «солдатских императоров», сепаратизм отдельных регионов, гонения на христиан и пр. – все это могло привести к еще более раннему концу Римской империи, если бы не своевременные реформы императоров Диоклетиана и Константина I Великого. Благодаря их усилиям Римская империя получила отсрочку еще на 100 лет. Однако уже в 395 г. император Феодосий поделил государство на Западную и Восточную части для своих сыновей, что наглядно демонстрирует признаки неуклонного угасания некогда единой империи².

Между тем проблемы никогда не прекращались и конец IV в. – начало V в. н. э. были отмечены появлением мощного внешнеполитического фактора – Великого переселения народов, т. е. массовых этнических миграций на территории Римской империи. Так, уже в 405 г. разношерстная коалиция германских племен под командованием Радагайса вторгается в Северную Италию³, а в 410 г. вестготы короля Алариха I осаждают Вечный Город⁴. Западная пограничная защитная линия – лимес – уже не в состоянии сдерживать усиливающийся натиск варварских племен, которые обрушиваются на северо-западные границы империи. И хотя административный центр Западной Римской империи был расположен в италийском городе Равенна, первой добычей варваров становится не Аппенинский п-ов, а регион Римской Галлии.

Для того чтобы понять всю важность этого региона, следует обратиться к сложившемуся после реформ императора Диоклетиана новому административному делению. Согласно ему, фактически весь Запад (кроме, разумеется, Италии) объединялся в рамках одной префектуры претория. В нее входили: Галлия, Британия, Испания и небольшая часть Северной Африки⁵. Само название этой префектуры – *Galliarum*⁶ – уже указывало на тот регион, в котором находился политический центр этой префектуры. С 410 г. н. э. центр галльской префектуры претория был перенесен из Трира в Арелат (совр. Арль), который состоял в административном подчинении Виенны⁷. Показательным примером, косвенно подтверждающим это, является то, что вместо оригинального названия *Diocesis Viennensis*, общеупотребительным становится название *Diocesis Septem Provinciarum*, что, возможно, указывает на утрату Виенной своего статуса реального центра. При этом на положение Арелата как центра указывает и нахождение в них финансовых структур Западной Римской империи: *ratinales summarum*, *praepositi thesaurorum*, *procuratores monetarum* и пр.⁸

Согласно *Notitia Dignitatum* в административном плане ситуация выглядела следующим образом. После императора высшую административную власть представлял собой галльский префект претория из числа *vires illistres*⁹. Ему подчинялись три викария: *Hispaniarum*, *Britannum* и *Septem Provinciarum*¹⁰. Интересно, что официально каждый диоцез должен был возглавляться своим викарием. Однако в отношении Римской Галлии можно отметить наличие только одного викария Семи Провинций. И более того – в его подчинении находились и все прочие провинции Римской Галлии. Таким образом, викарию подчинялись 6 консуляров и 10 президов. Разумеется, при каждой из этих административных должностей существовал собственный унифицированный бюрократический аппарат.

В военном отношении ситуация была более пестрой. С одной стороны, существовал *magister peditum*, которому, в отношении Галлии, подчинялись комит *Tractus Argentoratensis*, два дукса провинций (*Belgica secundae*, *Germania prima*) и один дукс *Mongotiacensis*. В то же время войсками, как конными, так и пешими, в Галлии реально командует *magister equitum per Gallias*. Кроме того, в *Notitia Dignitatum* указываются два дукса – *tractus Armoricani* и *Sequanici*, которые вообще не обозначены наличием какой-либо вышестоящей инстанции¹¹.

Таким образом, можно отметить, что в административном и военном положении Галлии было уделено достаточно внимания. При этом в глаза бросается ряд нестыковок, которые вызывают вопросы. Возможно, именно эти вопросы и являются отражением реальной ситуации, которая складывалась в условиях абсолютной незащитности Галлии перед лицом германских вторжений. Так, власть одного викария над двумя галльскими диоцезами можно объяснить первоначальным расположением префекта претория в Трире, который был центром галльского диоцеза. Однако, после прорыва германцами лимеса, Трир стал объектом для постоянных захватов и горел не менее трех раз. Возможно, это стало причиной не только переноса центра префектуры в Арелат, но и того, что, по сути, территории северной и северо-восточной Галлии оказались попросту без управляющего, и к тому же еще и местом оседания варварских племен. И, вероятно, к моменту составления *Notitia Dignitatum* уже было решено отдать викарию Семи Провинций административную власть и над этим регионом, что, по сути, делало его хозяином сразу двух диоцезов.

Таким образом, можно полагать, что после реформ Диоклетиана и Константина Галлия представляла собой не только сложную,

с административной точки зрения, но и важную область, потребовавшую наличия столь сложной системы. Расположение в ней центра префектуры претория говорит о ее высоком политическом положении. Поэтому неудивительно, что Сидоний Аполлинарий, обращаясь в панегирике к галло-римскому магнату Эпархию Авиту, ставшему императором, заявляет:

Не знаю иного Траяна, кроме того, которого он бы поставил наряду с собой; разве что ты, Галлия, снова по случайности не преподнесла бы такого, какого бы он превзошел¹².

Ввиду этого представляется крайне актуальным для современной исторической науки изучение данного региона и истории его бытования в последние годы Западной Римской империи.

Таким образом, с одной стороны, имеется отчетливое свидетельство важности (если выразаться современным языком) «геополитического» положения Римской Галлии. Однако в течение первой половины V в. н. э. Галлия становится не только плацдармом для вторжения в иные регионы, но и сама активно заселяется пришлыми варварами. Так, в 418 г. н. э. патрицию Констанцию (будущему императору Констанцию III) удается вновь навязать политическую волю Равенны вестготам и переселить их в южную Галлию, в пределах Второй Аквитанской провинции. Через почти 20 с лишним лет схожая ситуация повторяется с германским племенем бургундов, правда, вызванная иными обстоятельствами, а именно – тотальным разгромом бургундов войском гуннов под предводительством римского полководца Аэция. Итогом стало переселение бургундов в район современного Женевского озера. Обстоятельства данных действий римлян рассматриваются в монографии Э.А. Томпсона, где им дается вполне справедливый *raison d'être* – в стремлении «локализовать» народные выступления багаудов, а также создать естественные «кордоны» на пути из Галлии в Испанию и Италию¹³. В контексте данной работы очень важен данный факт планомерного расселения варварских племен, так как, вне всяких сомнений, этот процесс породил ситуацию вынужденного сосуществования с местным романализованным населением, а следовательно, являлся источником постоянного напряжения между ними. Ситуация получает свое дальнейшее развитие уже со 2-й половины V в., когда власть равенских императоров над Римской Галлией еще больше ослабевает, в то время как на территориях, занятых варварами, складываются устойчивые «ядра» будущих королевств, а сами варвары предпринимают активные действия по расширению их изначальных границ.

Итак, с точки зрения сложившейся ситуации Римская Галлия находится в интересном положении. С одной стороны – она все еще важный политический центр Западной Римской империи, а с другой – испытывает колоссальное напряжение, связанное с расселением варварских племен, в первую очередь вестготов и бургундов, на своей территории.

Для исследователя важно учитывать, что в таких условиях происходит выдвигание на авансцену иных сил, нежели правительство или администрация. Так и в Римской Галлии вполне закономерным представляется процесс усиления местной аристократии. Здесь самым информативным источником выступает эпистолярное наследие уже упоминавшегося выше галло-римского аристократа Сидония Аполлинария.

Деятельность Сидония и его письма, написанные разным представителям галло-римской аристократии, наглядно демонстрируют процесс усиления данной региональной элиты. Важной вехой здесь является активное вхождение представителей галло-римской аристократии в высшее духовенство христианской Церкви, которая к тому моменту завоевывает весьма прочные позиции в позднеантичном обществе. Соединяя, таким образом, такие ресурсы власти, как «духовный авторитет», «знатность», «богатство» и пр., галло-римской элите удается заполучить необходимые рычаги воздействия. И именно в таком качестве они становятся своеобразными «посредниками» между местным романизированным населением и пришлыми варварами¹⁴; по крайней мере, именно галльские епископы чаще всего отправляются на переговоры с варварскими вождями или ходатайствуют перед ними же о чем-либо.

Таким образом, можно убедиться, что галло-римская элита играла очень существенную роль в истории Поздней Античности. Однако это влияние не ограничивалось только регионом Римской Галлии. Так, уже упоминавшийся Авит был императором с 456 по 457 г.¹⁵, его преемник Майориан – также родом из Галлии¹⁶. Но еще в первой половине V в. галло-римский магнат Иовин при поддержке бургундов провозгласил себя и своего брата Себастьяна августами¹⁷, а если заглянуть в еще более отдаленные времена, то можно столкнуться с полноценной Галльской империей Постумов и Тетриков, 14 лет просуществовавшей отдельно от Римской империи¹⁸. Опираясь на данные факты, можно действительно утверждать как политическую важность Римской Галлии, так и активную вовлеченность галло-римской элиты в судьбы Западной Римской империи.

Здесь весьма примечательной представляется ситуация, возникшая во второй половине V в. н. э. и описанная Сидонием Аполлина-

рием в его письме к Винценцию¹⁹. Это так называемое «дело Арванда», которое представляется достаточно ярким событием, характеризующим положение дел в угасающей Западной Римской империи.

Прежде всего, следует отметить, что Арванд, по словам Сидония, происходил из незнатной семьи, но при этом занимал пост префекта Галлии²⁰. Сидоний отмечает, что Арванд был довольно популярен в среде галло-римлян. Между тем суд над Арвандом происходил на Капитолии²¹, пленник находился, как ни странно, под надзором комита священных щедрот Флавия Асселия²². Но что еще интереснее, так это то, что со стороны обвинения выступали представители все той же галло-римской аристократии, а именно: бывший галльский префект претория Тонаций Ферреол²³, консул Афраний Сиagriй²⁴, а также Фамастий²⁵ и Петроний²⁶. Как ни странно, но, по словам Сидония, среди сторонников Арванда на суде были только он и еще один друг Арванда, Ауксаний²⁷.

В чем, собственно, заключалось обвинение Арванда? Сидоний описывает это следующим образом:

Им [стороне обвинения], среди всего прочего, что было до них доведено, провинциалы вручили и передали перехваченное письмо, по поводу которого схваченный писец Арванда свидетельствовал, что ему диктовал господин. Кажется, это письмо было послано королю готов; [в нем] он отговаривает от мира с греческим императором [Прокопием Антемием]; также он указывает, что следует атаковать бриттов в места выше Лигера [совр. Луара]; также он утверждает, что следует разделить Галлию с бургундами по праву народов, и много прочего в том духе безумия, который вызвал бы у необузданного короля ярость, а у миролюбивого – робость²⁸.

Иными словами, речь идет фактически о государственной измене, что, по словам Сидония, сразу же возбуждает против Арванда юристов, интерпретировавших это как «оскорбление величия»²⁹.

Показательно, что поведение Арванда в ходе обвинений было достаточно самоуверенным. Так, он довольно жестко возражает Сидонию и Ауксанию на просьбу не вести себя столь вызывающе, а перед днем объявления приговора облачается в парадные одежды и т. п. Итогом всего становится приговор Арванда к пожизненному заключению на острове Тиберина.

По мнению автора данной работы, этот небольшой эпизод из истории последних дней Западной Римской империи весьма примечателен. В своем письме Сидоний указывает на то, что фактически это обвинение было «состряпано» лично против Арванда, хотя

и не приводит доказательств обратного. Вместо этого он сосредотачивается на советах Арванду хранить молчание и фактически «держаться в тени», но Арванд был слишком уверен в собственной правоте, так как, по словам Сидония, ему было достаточно убеждения в собственной невинности³⁰.

Интересно и само обвинение. Прежде всего отмечается то, что Арванд вел переговоры непосредственно с королем вестготов Эврихом. Отсюда можно сделать вывод о том, что не бургунды, а именно вестготы воспринимались как непосредственная угроза Римской Галлии. Состояли ли на тот момент в союзе с Римом оба варварских королевства – Толосское и Бургундское – доподлинно неизвестно, хотя тот же Сидоний Аполлинарий в своих письмах положительно отзывался о бургундах и называл их «защитниками» в отличие от «атакующих» вестготов³¹.

Между тем первым пунктом обвинения идет предложение отказа от переговоров с императором Прокопием Антемием. Особенно подчеркивается то, что он является «греческим» императором, что, по мнению автора настоящей статьи, указывает скорее не на этническую принадлежность самого Антемия, а на то, что в его возвышении принимал участие император Восточной Римской империи Лев I³², что, несмотря на декларируемое единство империи, возможно, воспринималась как попытка вмешаться в дела Западной Римской империи. Но в таком случае встает закономерный вопрос: если назначение Антемия вызвало недовольство среди элиты (в частности, галло-римской), то почему она же и судила того, кто, как выходило, был против?

С этой же точки зрения интересно и предложение вестготам атаковать союзные войска бриттов на севере от Луары, а также, что еще более интересно, разделить Галлию между собой и бургундами по так называемому «праву народов» (*jus gentium*). Согласно тому определению, какое дается в Дигестах (что отражает именно позднеантичный взгляд на данное понятие), оно отделяется от «естественного права» тем, что присуще только людям³³, но, в отличие от конкретного «цивильного права» каждого народа является общим для всех людей³⁴. Вместе с тем оно не существует отдельно от них. Тут важным является сопряжение понятия естественной справедливости (*aequitas naturalis*) с понятием права народов. Выходило так, что «справедливость» в отношениях между людьми полагалась совершенно естественной³⁵. В контексте же данной работы выстраивается достаточно интересная логическая цепочка: согласно определению «права народов», данному в Дигестах, оно возникает непосредственно в отношениях между людьми и является

универсальным. Следовательно, такие явления, как «война», «создание государства», «размежевание границ» и пр., относятся к этому универсальному праву³⁶. А уж коль скоро неотъемлемой чертой права народа становится «естественная справедливость», то, следовательно, право требовать чего-либо в данной области становится «естественным» и «справедливым». Говоря иными словами, вводя понятие *jus gentium* при предполагаемом дележе Галлии между бургундами и вестготами, Арванд фактически легитимировал их притязания на данные территории с точки зрения законности римского государства.

Итак, основные пункты обвинений против Арванда можно свести к: а) подстрекательству против законной власти императора Антемия, а через него – императора Льва I (напомним, что империя еще *de jure* полагалась единой) и б) созданию законодательной основы для территориальных претензий первых варварских королевств вестготов и бургундов на Галлию.

Между тем такая трактовка оставляет много места для последующих интерпретаций. По мнению автора данной работы, какая бы то ни было интерпретация, построенная на одном источнике, должна иметь косвенные подтверждения из других. К сожалению, практически во всех основных источниках по истории Поздней Античности (например, Иордан, Исидор Севильский, Павел Орозий, анонимные Галльские хроники 495 и 511 гг. и пр.) нет сведений, которые бы подтверждали информацию Сидония Аполлинария. Но тем не менее есть два исторических источника, которые могут косвенно подтвердить информацию о судебном процессе над Арвандом. Это, прежде всего, «Хроника» Кассиодора и «История римлян» Павла Диакона. Однако и они оставляют больше вопросов, чем ответов. Так, следует отметить любопытный факт, что в обоих источниках имя Арванда серьезно искажается («*Ardaburius*» у Кассиодора и «*Servandus*» у Павла Диакона)³⁷. Можно высказать предположение, что отождествление Арванда с «Ардабурием» и «Сервандом» основано на схожести их «судеб». И у Кассиодора, и у Павла Диакона данных персонажей отправляют в ссылку³⁸, а кроме того, у Павла Диакона «Серванд» является еще и галльским префектом претория. Но тут важно и еще кое-что: и Кассиодор, и Павел Диакон отмечают стремление указанных лиц к узурпации.

Разумеется, ничего подобного нельзя заметить в тексте письма Сидония Аполлинария; согласно ему, Арванд – лишь жертва собственной заносчивости и происков его недругов. Однако не следует забывать, что на первый план Сидоний выставляет свои дружественные отношения с Арвандом и, возможно, не может допустить

мысли о каких-либо антиправительственных замыслах³⁹. Но в то же время против этого мнения можно привести следующие возражения. Во-первых, упоминавшийся выше исторический контекст, в котором Римская Галлия славилась не только своим положением центра Галльской префектуры претория, но и перманентными проявлениями сепаратизма по отношению к римским императорам. Во-вторых, не менее важно и то, что, как уже говорилось, среди обвинителей присутствовали представители галло-римской аристократии. Отсюда можно выдвинуть гипотезу, что проблема действительно лежит в политической области, но не в области личных замыслов Арванда, а в области тех политических противоречий, которые существовали внутри галло-римской элиты. Иными словами, можно предположить определенного рода противостояние между «про-варварской» и «про-римской» частями галло-римской элиты. Разумеется, не шло речи о признании культурного паритета между пришлыми варварами и местными галло-римлянами. Но даже имевшая все рычаги для управления регионом галло-римская элита нуждалась в ориентире на некий политический центр, на реальную силу, способную вновь сплотить Галлию, и, вполне возможно, для некоторых представителей галло-римской элиты равенские императоры уже не представляли такой силы.

Был ли реально Арванд представителем той самой «проварварской части» или нет – сказать сложно. Более того, «локальный» характер процесса над Арвандом может показаться недостаточно актуальным для вынесения суждений по исследуемой проблеме. Однако, по мнению автора статьи, ситуация, связанная с Арвандом, является достаточно знаковой для общей кризисной ситуации V в. н. э., и именно она породила те обвинения, которые выдвигались против бывшего галльского префекта претория. В данном контексте каждый представитель элиты бывшей Западной Римской империи (не только Римской Галлии) должен был сделать выбор: либо тихо уйти со сцены вместе с Римом, либо продолжать жить и приспособливаться к новым условиям, которые открывали двери в совершенно иную историческую эпоху.

Примечания

-
- ¹ Хизер П. Падение Римской империи. М.: Астрель, 2011. С. 31.
  - ² Карсавин Л.П. История европейской культуры. Т. 1: Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алетей, 2003. С. 16.
  - ³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: до середины VI века. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 25.

- ⁴ Томпсон Э.А. Римляне и варвары: Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. С. 20.
- ⁵ Sub dispositione viri illustris praefecti praetorio Galliarum dioceses infrascriptae: Hispaniae, Septem provinciae, Britanniae (Notitia Dignitatum in partibus Occidentis, III). [Электронный ресурс] // Bibliotheca Augustana. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost05/Notitia/not_doc1.html (дата обращения: 29.05.2012).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Можно высказать предположение, что эти титулы присваивались не столько римским, сколько варварским вождям, которые тем самым встраивались в официальную военную структуру Западной Римской империи, но при этом не имели над собой прямого управления со стороны высших римских военных чинов.
- ¹² Traianum nescio si quis aequiperet, ni fors iterum tu, Gallia, mittas qui vincat (*Sid. Panegyrici dicti Avito Augusto* // *Sid. Carmina*).
- ¹³ Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 225–229.
- ¹⁴ Ситуация еще более обостряется тем, что пришлые варвары – вестготы и бургунды – по своей конфессиональной принадлежности были еретиками-арианами, в то время как галло-римляне придерживались ортодоксального (никейского) варианта христианства, что создавало атмосферу напряженности.
- ¹⁵ Jones A.H.M. Eparchius Avitus 5 // Jones A.H.M. *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. 2. A.D. 395–527. The Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. P. 196.
- ¹⁶ Ibid. P. 702.
- ¹⁷ Олимпиодор Фиванский. История / Пер. и коммент. Ч.С. Скржинской // Византийский временник. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 228.
- ¹⁸ Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.: Алетея, 2008. С. 36.
- ¹⁹ Jones A.H.M. Vincentius 4 // Jones A.H.M. PLRE. P. 1168.
- ²⁰ Даты занятия должности префекта галльской префектуры претория – с 464 по 468 г., а в 469 г. уже состоялся суд над ним. Важно отметить, что, несмотря на незнатность своего происхождения, Арванд, в силу занимаемой должности, должен был обладать сенатским титулом *vir illustris*.
- ²¹ *Sid.* Ep. I, 7, 4.
- ²² См.: Jones A.H.M. Fl. Eugenius Asselus 2 // Jones A.H.M. PLRE. P. 164.
- ²³ Ibid. P. 465.
- ²⁴ См.: Jones A.H.M. Syagrius 2 // Jones A.H.M. PLRE. P. 1024.
- ²⁵ Ibid. P. 1062.

- ²⁶ Ibid. P. 863.
- ²⁷ Ibid. P. 308–309.
- ²⁸ Пер. А.И. Черных. *Sid.* Ep. I, 7, 5: “Qui inter cetera, quae sibi provinciales agenda mandaverant, interceptas litteras deferebant, quas Arvandi scriba correptus dominum dictasse profitebatur. Haec ad regem Gothorum charta videbatur emitti, pacem cum Graeco imperatore dissuadens, Britannos super Ligerim sitos impugnari oportere demonstrans, cum Burgundionibus iure gentium Gallias dividi debere confirmans, et in hunc ferme modum plurima insana, quae iram regi feroci, placido verecundiam inferrent”.
- ²⁹ Ibid.: “...hanc epistolam laesae maiestatis crimine ardere iurisconsulti interpreta-bantur”.
- ³⁰ *Sid.* Ep. I, 7, 7: “...satis Arvando conscientia sua sufficit”.
- ³¹ В одном из своих писем Сидоний обозначает бургундов словом “impugnatem”, а вестготов “pro-pugnatem”. См.: *Sid.* Ep. III, 4.
- ³² Хизер П. Указ. соч. С. 619–620.
- ³³ Дигесты Юстиниана. Кн. 1. Титул I. 1. 4 / Пер. с лат. Л. Л. Кофанова. М.: Статут, 2002. С. 83.
- ³⁴ Там же. Титул I. 6. С. 85.
- ³⁵ Ср.: Дигесты Юстиниана. Кн. 43. Титул. XXVI. 2, 2 [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/43.php (дата обращения: 29.05.2016).
- ³⁶ Дигесты Юстиниана. Кн. 1. Титул I. 5. С. 85.
- ³⁷ Следует отметить, что А.Х.М. Джонс делает осторожные пометки [sic!] напро-тив каждого имени в своей PRLE II в статье об Арванде.
- ³⁸ His coss. Ardaburius, imperium tenats, jussu Anthemii exsilio deportatur (Cass. Chronica ad Theodorem regem. Leo XLVI // PL. Paris, 1865. P. 1248); Sequenti anno Seruandus Galliarum praefectus imperium temptans inuadere iussu Anthemii principis in exilium trusus est. Paulus Diaconus (Historia Romanaю Liber XV [Электронный ресурс] // The Latin Library. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/pauldeacon/histrom15.shtml> (дата обращения: 29.05.2016).
- ³⁹ Это еще более контрастирует, например, с тем, что, испытывая личную непри-язнь к викарию Семи Провинций Серонату, Сидоний не скупится на намеки о связях последнего с вестготами.